

ЗАЛА 18

ШКАФЪ 52.

ПОЛКА 3.

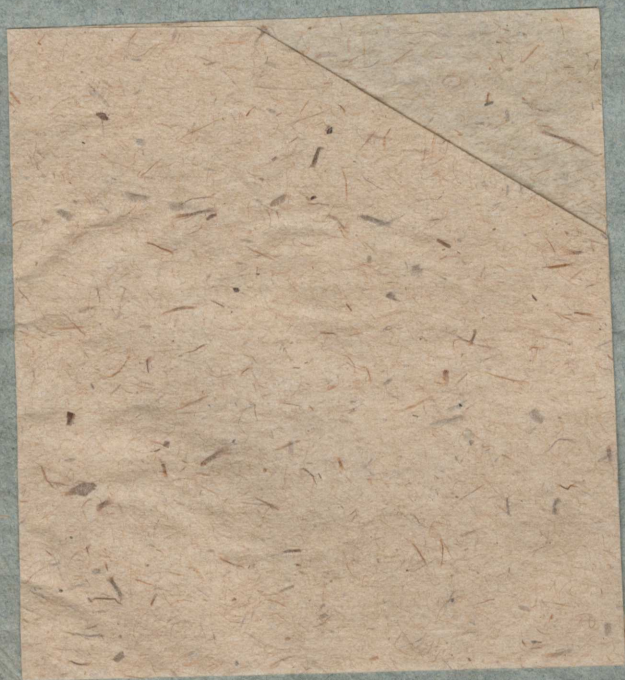
№ 262

ЗАЛА 18

ШКАФЪ

ПОЛКА

№

Handwritten mark

ВЗГЛЯДЪ

НА

РУСКІЯ СКАЗКИ И ПѢСНИ

И

ПОВѢСТЪ

ВЪ ДУХЪ СТАРИННЫХЪ РУСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Handwritten signature: К. Б. Меллер

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА

1820.

В С Т У Д И Я

П

В С Т У Д И Я

П О В Е С Т Ъ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктпетербургъ, Февраля 24 дня 1820 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тилковской.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

В С Т У Д И Я

1820

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ВИЦЕ-АДМИРАЛУ,

РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ,

ПРЕЗИДЕНТУ

ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ И МНО-
ГИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ЧЛЕНУ,

АЛЕКСАНДРУ СЕМЕНОВИЧУ

ШИШКОВУ.

УДВОИТЕЛЬНОЕ

ИМЕНА

ТАСНИКЪ СЛОВА

ПРЕЗНАЧЕНА

Печатается по распоряжению
Императорского Московского университета

АДРЕСАМИ СЕМЕНОВИЧА

ИМЕНА

ВА

Сло

ком

Пре

печ

нья

юс

сие

ня

имь

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Чтеніе *Разговоровъ* вашихъ о *Россійской Словесности* родило во мнѣ желаніе познакомиться короче съ Рускими Сказками и Пѣснями; я прочипаль, почти все, что напечатано у насъ въ семь родѣ, и сдѣланныя мною при чтеніи замѣчанія осмѣливаюсь посвящать вамъ.

Примите, Ваше Превосходительство, сіе приношеніе, знакомъ особеннаго уваженія моего къ особѣ Вашей, съ копорымъ имѣю честь бытъ

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

покорнѣйшій слуга

Князь Цертелевъ.

ВАШЕ ПРОВОХОДСТВО

Почтеннейший государственный секретарь
Секретариату Государственного Совета
и Государственной Канцелярии
и Государственной Прокуратуры
и Государственной Судебной Палаты
и Государственной Адвокатской Палаты
и Государственной Печатной Деловой
Канцелярии
и Государственной Книжной
Палаты
и Государственной
Печати
и Государственной
Книжной
Палаты
и Государственной
Печати

Примите Ваше Провоходительство
сие в известие, что оное
наместо на оной Ваших, с
книжкою дати

Вашего Провоходительства

Почтеннейший

Ваше Провождение

О
—
По

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	спран.
О Рускихъ Сказкахъ	2
— Пѣсняхъ	14
Повѣсть въ духѣ старинныхъ Рускихъ списхошвореній	19

ОТДѢЛЕНІЕ

страни.

О. Рубина Савожа	2
Иреника	14
История на духъ оидрииника Рубика	19
спинковореній	19

лю
и д
об
въ
чѣм
мы
без
сло
къ
пор
про
нія
и д
но
Буд
мно
а к

В З Г Л Я Д Ъ

Н А

СТАРИННЫЯ РУСКІЯ СКАЗКИ И ПѢСНИ.

Народныя Сказки и Пѣсни бывають любопытны не только для *Литератора*, но и для всякаго образованнаго челоуѣка: воображеніе наше спольже любитъ читашъ въ прошедшемъ, сколько и въ будущемъ и чѣмъ больше предметы прошедшаго знакомы сердцу, тѣмъ занимательнѣе, тѣмъ любезнѣе оно для воображенія.

Преданіе сохранило намъ довольное число Сказокъ и Пѣсень предковъ нашихъ, но, къ удивленію, мы до сихъ поръ не имѣемъ порядочнаго оныхъ собранія. Оуъ чего же происходитъ сіе? — Неужели оуъ презрѣнія къ сему бѣдному наслѣдству?... Нѣтъ! и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ; но предубѣжденіе, но невнимательность.... Будемъ справедливы, и признаемся, что о многомъ судимъ по молвѣ и наружности, а кто не знаешь, сколь ошибочны бывають

шаковыя сужденія! — И шакъ, хопя изъ жалосши, бросимъ взглядъ на упомянутыя оспашки слова предковъ нашихъ: они не важны для другихъ, но для Рускаго должны быть драгоцѣнны!

О С К А З К А Х ъ.

Всѣ бывшіе доселѣ Издашели *Рускихъ Сказокъ* *), желая сдѣлать книги свои шолще и, какъ они думали, занимательнѣе, смѣшивали безъ разбору прошнонародныя и

*) Мы имѣемъ нѣсколько собраній оныхъ. Таковы: 1) *Старинныя диковинки* или приключенія Князей Славянскихъ, соч. Мих. Попова, изд. второе. Москва 1778 года. Первое изданіе книги сей было подъ названіемъ: *Славянскія древности*. 2) *Рускія Сказки*, въ десяти часняхъ, изд. въ Москвѣ 1780 года. 3) *Вечерніе тасы* или древнія Сказки Славянъ Древлянскихъ, въ 6 часняхъ, изд. въ Москвѣ 1788 года. 4) *Переслѣшникъ* или Сказки Славянскія, въ V часняхъ, изд. въ Москвѣ 1789 года. 5) *Двѣдцѣтины прогулки и Лекарство отъ задумчивости*, двѣ небольшія книжки въ 12 долю изд. въ С. П. бургѣ 1815 года. Всѣ сіи собранія весьма недоспапочноы. *Старинныя диковинки* еспѣ скучный волшебный романъ, заимствованный изъ народныхъ Сказокъ. *Рускія Сказки* — сборъ всякой всячины, изъ 10 книгъ копорой можно бы было составить одну сходную съ заглавіемъ. *Вечерніе тасы* можно рекомендовать любителямъ Сказокъ, шолко не Рускихъ народныхъ. *Переслѣшникъ* еспѣ неудачное подражаніе Жилблазу. *Двѣдцѣтины прогулки и Лекарство отъ задумчивости* весьма недоспапочное собраніе народныхъ Рускихъ Сказокъ.

богатырскія, иноспранныя и Рускія проишешствія, склеивали одни съ другими, а что и того хуже, вспавляли собшвенныя разсужденія, описанія и поправляли спаринный слогъ, и шакъ уже испорченный изустнымъ преданіемъ.

Рускія Сказки бывающъ двухъ родовъ: однѣ богатырскія Повѣсти, а другія собшвенно шакъ называемыя Сказки.

Богатырскія Повѣсти заключающъ въ себѣ подвиги древнихъ Рускихъ вицязей, какъ дѣйствительно жившихъ, шакъ и вымышленныхъ. Сіи повѣсти изложены стихами. Нѣсколько оныхъ можно видѣшь въ книгѣ: *Древнія Рускія Стихотворенія* *); когда и кѣмъ писаны сіи повѣсти, неизвѣстно. Имена *Владимира, Добрыни, Ильи Муромца, Василия Буславита* и другихъ Историческихъ лицъ, обольщая воспоминаніемъ во-

*) Первое изданіе книги сей, заключающее въ себѣ большею часнію богатырскія Повѣсти, вышло въ 1804 году. Второе, украшенное нотами и умноженное 35 стихотвореніями, въ 1818 году. Въ числѣ прибавленныхъ вновь стихотвореній заключаешся неболѣ пяти или шести богатырскихъ Повѣстей, прочее же отношися или къ другому роду Поэзіи, или къ позднѣйшимъ временамъ. Доказательствомъ послѣдняго можешъ бышь: языкъ, упоминаемыя лица и нерѣдко ошличная ошъ первыхъ гармонія стиховъ.

ображеніе наше, даюшь имъ — при первомъ взглядѣ — видъ древности; но по дальнѣйшемъ разсмотрѣніи видимъ, что это *антики* подложные.

Въроятно существовали нѣкогда подобныя симъ древнія Рускія Повѣсти, но время поглотило ихъ *); позднѣйшіе же слагатели оныхъ, удержавъ только Историческія имена и нѣкоторыя списки, сохраненныя изустнымъ преданіемъ **), все прочее дополнили сами, и будучи, какъ видно, люди необразованные, безпрестанно падали въ самыя грубыя погрѣшности противъ Исторіи, Географіи и вкуса. Такъ, напри-

*) Избираюшь предметы для сочиненій своихъ изъ временъ отдаленныхъ предполагаешъ уже довольною образованностію Сочинителя, чего невидно въ древнихъ Рускихъ Повѣстяхъ. Но самыя просвѣтые люди, будучи свидѣтелями разительныхъ происшествій, могушь описываюшь ихъ и часшо весьма не худо. Доказательствомъ сего можетъ бысть война Петра Великаго съ Карломъ XII: мы имѣемъ о ней нѣсколько народныхъ пѣсень того времени; но теперь конечно ни одному прослоянину не прійдетъ въ голову описываюшь Полтавскую побѣду.

**) Сіе можно видѣть, сличивъ старинныя Рускія повѣсти съ древнею пѣснію о походѣ Игоря: въ сей послѣдней видимъ мы много такихъ же выраженій, оборошовъ рѣчи и подобій, каковыя встрѣчаемъ и въ первыхъ напимѣръ: „срѣлы каленныя, на кровашы шисовѣ, вмоемъ шеремѣ злашоврьсѣмъ, къ синему морю.“ и проч.

мѣрь, Новгородцы изъ Ильменя озера приѣзжаютъ кораблемъ въ Иерусалимъ; Тамара, во время Владиміра Великаго, дѣлають набѣги на Россію; являюся богатыри споль необыкновеннаго роста, что вмѣсто шапки надѣвають на голову огромный колоколь, и сему подобные вздоры.

Большую часть старинныхъ Рускихъ Повѣстей можно отнести къ второй половинѣ XVI столѣтія. Мнѣніе сіе основываю я: 1) на языкъ ихъ *), который при всей яс-

*) Не надобно сравнивать языка Повѣстей сихъ съ книжнымъ языкомъ того времени: онъ писанъ простымъ нарѣчіемъ, которое всегда отличалось отъ книжнаго. Мы напр. пишемъ и говоримъ: „сего дня споль сильный морозъ, что даже дышать тяжело.“ Крестьянинъ говоритъ: „ну ужъ нонче морозъ, инъ-но духъ захватываешь.“ Въ старину различіе сіе было еще замѣнливѣе: чѣмъ далѣе возьмемъ примѣръ, тѣмъ яснѣе увидимъ то.

Вотъ два отрывка. Первый писанъ книжнымъ языкомъ въ первой половинѣ XII вѣка, второй простымъ нарѣчіемъ въ концѣ второй половины онаго.

1-й. „Не опечалися же Князе о словеси семь, или мниши, яко кто приходъ къ мнѣ печалень и того для написахъ ши сіе. Ни! но просно шако написахъ на вспоминаніе шебъ; яко великія власши и великомъ вспоминаніемъ пребывають и многъ; яко и вельми пользуюшь и вельми пакосшь имѣють и сего ради дрзнухомъ мы. Невѣдаемъ бо сего, яко грѣшници осиропленны сяще и гноемъ испекающе ихъ цѣлиши начинаемъ; но въ семь семь ни едина же па-

ности своей опзывается, такъ сказать, древностию. 2) На многихъ *анахронизмахъ*, кошорыхъ не могли сдѣлать современники *), ни сочинители образованные, наконецъ 3) на грубомъ вкусѣ сихъ спихошвореній. Безпресшанныя войны Россіянъ съ сосѣдами, шираниства въ царшвованіе Іоанна Грознаго, кровавые пуши ко шрону Годунова, злодѣйства самозванцевъ, внушренніе беспорядки и разбои, необходимо должны были родить шощь варварскій вкусъ, кошорій находимъ въ древнихъ Рускихъ

кость. Аще бо и мы шаци, но слово Божіе иже въ насъ, здраво ешь и цѣло и шо ешь учай и подобаешь учимомъ словомъ искушаша и еже ошь слова исцѣленіе пріимаша неиспяжаша же прочая.“ (Посл. Миср. Никифора къ Влад. Мономаху).

II-й. „А Святшславъ мушень сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъ шема, рече, чръною паполомою, на кровати шисовѣ; чръпахушь ми синее вино съ шрудомъ смѣшено; сыпахушь ми шщами шулы поганыхъ шльковинъ великій женчогъ на лоно и нѣгуюшь мя; уже дски безъ кнѣса вмоемъ шеремѣ златшврѣсьмъ. Всю ночь съ вечера босуви врани взраяху, у Пльсньска на болони бѣша дѣбрь Кисаню и не сошлю къ синему морю.“

*) Въ 1812 и 1813 годахъ просшой народъ составилъ нѣсколько Пѣсенъ, опносящихся къ обшояшельствамъ опчешивенной войны, но въ нихъ, сколько мнѣ извѣстно, не вспрѣчаюшя спощь грубыя ошбшки, какъ въ богатырскихъ Рускихъ Повѣшяхъ.

Повѣсняхъ. Не смотря на сіе, въ нихъ вспрѣчающіяся иногда превосходныя описанія, вымыслы и даже, хотя рѣдко, сильныя чувства и мысли. Таковъ, на примѣръ, слѣдующій ошривокъ, взятый мною изъ повѣсти о Василии Буслаевичѣ, напечатанной въ Учасни Рускихъ Сказокъ, и показывающій духъ древнихъ Новгородцевъ: эшо рѣчь Посадника къ народу.

Новгородцы, недовольные *Василіемъ Бугослаевителемъ*, собирающіяся въ шерема Тайницкіе, и одинъ, высшупивъ изъ среды ихъ, говоритъ такъ:

„Вы гой еси! мужи Славенскіе и все посадники Новгородскіе! несшало Князя въ нашей обласни. Бугослай оспавиль намъ дѣщище. Мы правимъ всею землей Рускою! уповаемъ мы на шо дѣщище Княженецкое; мы ждемъ въ немъ обороны крѣпкія и управы добрыя; мы ждемъ лишь въ немъ ума зрѣлаго — чшобъ посшавишь его во главу себѣ. Но сіе дѣщище неудалое; пропадешъ ошъ него земля Славенская, опусшѣешъ Княжество Руское. Василій Бугослаевичъ досшигъ едва ль лѣшь пашнадцати, а ужъ замыслы не робецкіе и забавы необычныя, прежде онъ своими шушками осирошилъ людей смѣшны нѣшъ, а шеперь прибираешъ себѣ богашырей изъ всея земли Рускія. Въ

чемъ будешь его шакова дума?... Онъ хочешь насъ прибрашь во свои руки и владьшь нами своей волею... Пропадешь наша слава добрая! насмѣшся намъ бѣлой свѣщъ, что мы мудрые Посадники покорились малу дѣшицу! олъ намъ спыда сего!... Вы, Посадники могучіе! призовине свой крѣпкой умъ, не дѣшицу нами руганися! усъчемъ мы зло въ его корени, поколь оно не ушолщено. Мы сдѣлаемъ пиръ на весь мѣръ, призовемъ на оный Василия Бугослаевича и учнемъ выпышывашь. Поднесемъ ему брашину вина заморскаго, буде не сванешъ пишь, инъ онъ зло мыслишь, буде выпьешъ во хмелю, онъ промолвишся, и что ешь на сердць, онъ все выскажешъ.“ и пр. *)

Но о Повѣспяхъ довольно; взглянемъ на проспонародныя Сказки. Сказки сіи, — изъ кошорыхъ нѣкошорыя совершенно выдуманы, другія же заимствованы нѣчто изъ Иешоріи, — весьма опличны опъ богатырскихъ Повѣспей: будучи исполнены чудесъ и вымысла, нерѣдко подъ спранной своей наружноспію скрываютъ онъ полез-

*) Ошрывокъ сей помѣщенъ шочно шакъ, какъ онъ находится въ напечатанной повѣспи: всякій видишь, что это спихи, но Издашель хотѣлъ помѣститъ ихъ въ прозаическомъ собраніи, прозою.

ныя истины. Это кремень, который тогда только даетъ искру, когда ударишь по немъ спальною. Сказка напримѣръ, о Царевичѣ *Маландрахѣ* и Царевнѣ *Силикаллѣ* *) научаешь насъ обуздывать свои желанія и вѣришь предопредѣленію. Крылья, взявшія Царевичемъ безъ позволенія наставника, и причинившія ему сполько непріятностей, суть аллегорія, показывающая, сколь опасно молодымъ людямъ предаваться своимъ желаніямъ. Спѣсны же, въ кошорыхъ была заключена Царевна, что предопредѣленнаго свыше избѣжать невозможно, или, какъ говорили предки наши: *что кому на роду написано, то тому и будетъ*. — Сказка о *гусяхъ самогудахъ* или о смерти *Кащея* **) научаешь бышь оспорожными и не вѣришь ласкашельствамъ, кошорыя нерѣдко бывають для насъ пагубны. *Баба Яга*, наставляющая Царевича, изображаетъ мудрость и опытность, съ кошорыми должно совѣщаваться, предпринимая что либо важное. *Сказка о семи мудрецахъ* ***) показываетъ, сколь опасно Царямъ окружать себя льстецами. Чудная свадьба Государя, кошорый могъ

*) Смол. Дѣдушкины прогулки.

**) Тамъ же.

***) Тамъ же.

все видѣшь въ черпogaхъ своихъ и ничего внѣ оныхъ, изображаешь, что Государь сей, окруживъ себя порочными людьми, не могъ знать, что происходишь въ Государствѣ его; ибо, такъ сказаешь, видѣль и слышалъ глазами и ушами своихъ любимцевъ. Семь червей, находившихся въ постели Государя, изображаютъ семь главныхъ пороковъ: лѣносность, сладострасшіе, скупосность, неумѣренность, гордосность, зависность и злосность. Испребленіе же ихъ и возвращеніе зрѣнія Государю смертію мудрецовъ показываешь, что удалясь порочнаго сообщесства, удаляемся вмѣстѣ и пороковъ.

Изъ меньшаго числа приведенныхъ мною примѣровъ можно видѣшь, сколь несправедливо думаешь шопъ, что волшебные знаки и превращенія, встрѣчающіеся въ Сказкахъ считаешь однимъ своевольствомъ воображенія: часто они бывають подобны гіероглифамъ, которые надобно прежде разгадашь, и тогда уже сказаешь объ нихъ свое мнѣніе. Читая или слушая Сказки, не всегда можно принимашь наружность ихъ лишерально шочно такъ, какъ она предсавлена — должно судить о ней, соображаясь съ цѣлію и намѣреніемъ Автора. Часто Сочинитель, не смѣя сказаешь истины, или желая бышь занимательнѣе, скрываетъ ее въ

вымыслахъ, предославляя чипапелю отгадывашь. Такъ, напримѣръ, въ упомянушой сказкѣ *о гусяхъ самогудахъ* океанъ, окружающій островъ, на которомъ хранился шалисманъ жизни Кашея, естъ эмблема бурь и перемѣнъ, неизбѣжныхъ въ жизни Цвѣшущее дерево, подъ копорымъ находилась коробочка съ шалисманомъ, заключенная въ желѣзномъ сундукѣ, показываешь, что жизнь наша тогда только цвѣшетъ радостно и спокойствіемъ, когда мы положимъ крѣпкій оплошь внушреннимъ врагамъ нашимъ: спрашямъ и желаніямъ, предсавленнымъ въ аллегоріи сей въ видѣ ушки, заключенной въ зайцѣ ш. е. споль же, шакъ сказать, лешучими и непоспоянными, какъ пшнца и споль же робкими и неспокойными, какъ заяцъ. — Разсмашривая шакимъ образомъ народныя Сказки, легко замѣшшь, что шапка невидимка, волшебныя шеремы, гудныя стѣбны жилища Царь-дѣвицы и сему подобныя вещи, о кошорыхъ каждый, въ малолѣшпствѣ своемъ, слыхалъ опъ нянюшекъ и мамушекъ, покажущся вещами, заслуживающими вниманіе и взрослыхъ.

Любшпели ужаснаго могутъ шакже найши въ народныхъ Рускихъ Сказкахъ все роды убійствъ и спрашныхъ превращеній, кровавыя дожди, огненныя рѣки, цѣлыя го-

рода, въ которыхъ жили превращены волшебникомъ въ окаменѣлыхъ, и сему подобное.

Разсмаприваемыя мною Сказки сочиняемы были прозою; попадающіеся же въ нихъ стихи сушь умышленныя вставки, заимствованныя изъ старинныхъ стихотвореній; таковы сушь описанія вишазей, ихъ коней и уборовъ. Мѣста сіи приводятся въ Сказкахъ точно такъ, какъ мы, въ прозаическихъ разсужденіяхъ или описаніяхъ, помещаемъ извѣстные всѣмъ стихи какого нибудь знаменитаго Писателя. Сіи *вставки*, вмѣстѣ съ нѣкоторыми *приговорками*, составляютъ общее украшеніе и принадлежность Сказокъ.

Какимъ слогомъ и языкомъ писаны или сочиняемы были старинныя Рускія Сказки, опредѣлить трудно: изустное преданіе и время необходимо должны были оный испортишь; нынѣшній же слогъ ихъ подходитъ ближе къ языку низшаго класса людей. Для примѣра я приведу небольшой отрывокъ.

„Жилъ былъ старикъ, и у него три сына; двое умныхъ, а прешій дуракъ, котораго называли Иванушкою дурачкомъ. Старикъ былъ колдунъ и передъ смертію своею приказалъ ходишь сыновьямъ по

„очереди на могилу. Въ первую ночь до-
 „спалось спаршему сыну кошорый нанялъ
 „Иванушку дурачка сходишь вмѣсто его.
 „Дуракъ, взявъ съ собою хлѣба, пошелъ къ
 „опицу на могилу, и пришедши шуда, легъ
 „на нее. Въ самую полночь вдругъ камень
 „съ могилы свалился и могила раскрылась,
 „и вышла опишуда спарикъ, опець Ива-
 „нушки дурачка, и спросилъ: кошорый сынъ
 „пришелъ? Дуракъ опвѣчалъ: я башюнка
 „пришелъ, большой швой сынъ Оома. Спа-
 „рикъ на шо ему сказалъ: спасибо, чшо пы
 „пришелъ; за шо надобно наградишь. Лишь
 „шолько чшо спарикъ вымолвилъ сии сло-
 „ва, вдругъ крикнулъ громкимъ своимъ го-
 „лосомъ :

Гей сивка бурка,
 Вѣщя каурка,
 Ты спань передо мною,
 Какъ лиснь передь шравою.
 Конь бѣжишь,
 Земля дрожишь,
 Изъ ушей дымъ сполпомъ,
 Изъ ноздрей пламя пышешъ.

„Спарикъ шому коню въ ушко влѣзь, на-
 „пился наѣлся, а изъ другаго вылѣзь и спалъ
 „шакон молодой, чшо

Ни вздумашъ, ни сказашъ,
 Ни перомъ написашъ,
 Только въ Сказкѣ сказашъ.

„Тутъ сказалъ онъ своему сыну Иванушкѣ „дурачку: возьми, мой любезный сынъ, энюго коня себѣ, онъ тебѣ пригодится.“ и пр.

Лучшее, хотя весьма небольшое собраніе въ семь родѣ, есть двѣ книжки, изданныя Глазуновымъ; одна подѣ названіемъ: *Дѣдушкины прогулки*, а другая *Лекарство отъ задумчивости*. Въ нихъ хся нѣтъ ни одного крипическаго замѣчанія, по крайней мѣрѣ онѣ изданы, точно такъ, какъ сохранились изуспынымъ преданіемъ.

О ПѢСНЯХЪ.

Взглянемъ теперь на Пѣсни. — Учасп Рускихъ Пѣсень не лучше учаспи Сказокъ. *Всегобще Пѣсенники, Пѣсенники полные, новые и новѣйшіе* сущъ не иное что, какъ безпорядочный сборъ всякаго рода стиховъ, весьма часно изуродованныхъ услужливыми книгопродавцами, кошорые перепечатаваютъ одно и тоже съ нѣкошорыми незначущими прибавленіями или выпущеніями; а иногда довольсшвуются даже перепечатапіемъ одного заглавнаго листка. Лучшее собраніе Пѣсень есть изданное въ 6 часпяхъ въ Москвѣ 1780 года подѣ названіемъ: *Новое и полное собраніе Пѣсень Россій-*

скихъ. Хотя въ собраніи семь безъ разбору смѣшаны старинныя и новыя, Великороссійскія и Малороссійскія, печальныя и хороводныя, насмѣшливыя и военныя Пѣсни, но изъ него можно бы было, сдѣлавъ выборъ, соспавишь довольно занимательную книжку для любителей старины. Кромѣ небольшого числа праздничныхъ и хороводныхъ Пѣсень, дошедшихъ до насъ, можешь бышь, опъ времянь языческава, вообще судя по языку, древность Рускихъ Пѣсень, хранящихъ въ себѣ духъ народной Поэзіи, едва ли можно положишь далѣ царствованія Петра Великаго; многія же относятся къ позднѣйшимъ временамъ и суть подражанія первымъ.

Старинныя Рускія Пѣсни весьма различны опъ нынѣшнихъ. Сочинители ихъ смощрѣли болѣе на чувства и мысли, нежели на форму: опъ сего иногда бываешь въ нихъ одно живое описаніе какого либо предмета, иногда нѣжная Элегія, иногда шуточный Романсъ, иногда страшная Баллада и проч. Для примѣра въ слогъ я приведу одну изъ нихъ:

Какъ на дубчикѣ два голубчика
Цѣловалися, миловалися,
Сизы крыльями обнималися.
Ошколь ни взялся младъ ясець соколь,

Онъ ушибъ, убилъ сиза голубя,
 Сиза голубя, мохноногова.
 И онъ кровь пусшилъ по сыру дубу,
 Раскидалъ перья по чисту полю,
 И онъ пухъ пусшилъ по поднебесью.
 Какъ распужился, разворкуешся,
 Та голубушка по голубчикъ,
 По голубчикъ мохноногонькомъ.
 Какъ возговорить младъ ясенъ соколъ:
 Ты не плачь, не плачь ужъ, голубушка,
 По своемъ сизомъ голубчикъ;
 Полечу ли я на сине море,
 Пригоню тебѣ голубей снадо:
 Выбирай себѣ сиза голубя,
 Сиза голубя мохноногова.
 Какъ возговорить шумъ голубушка:
 Не леши, соколъ, на сине море,
 Не гони ко мнѣ голубей снадо,
 Въдъ шо будешь ужъ мнѣ другой вѣнецъ,
 Голубяшушкамъ не родной ошець.

Сколь ни удалились мы отъ сего про-
 сшаго, естественнаго языка, но онъ еще
 не чуждъ нашему сердцу!

Рускія Сказки и Пѣсни по справедливости заслуживаютъ бытъ изданными лучше, нежели шо доселѣ дѣлалось. Въ нихъ хранятся многіе обычаи, черпты нравовъ и образа мыслей предковъ нашихъ. Особенно же важны они для любителя ошечественной Словесности, который видитъ въ нихъ духъ старинной Руской Поэзіи, не рѣдко

вспрѣчаетъ истинно лирическія мѣста, дѣлающія честь народному Генію, находить нѣкошорыя особенності языка и даже собственную его гармонію.

Вопь чпо говоришь о нихъ почтенный любитель опечественнаго слова А. С. Шишковъ : „Изуспныя преданія подвержены перемѣнамъ, забвенію. Перешедь сколько вѣковъ, онѣ должны были предспаить предъ насъ совсемъ не шѣ, каковы пошли съ начала. По нынѣшнему ихъ образу надлежишь думашъ, чпо ихъ слагали весьма просшые, неискусные въ Словесности люди; но сіе-шо самое и подпверждаешъ, чпо нѣкошорыя выраженія, мысли, обороты, подобія, оспались у сихъ людей чрезъ преданія въ памяти опъ шѣхъ сочиненій, которыя писаны были наспоющими Боянами ш. е. великими древними Спихопворцами. Вы найдете во многихъ Сказкахъ и Пѣсняхъ, непохожихъ одна на другую, одни и шѣ жъ самыя сшихи, или съ малыми весьма перемѣнами, прекрасныя, и часто оспальная часть Пѣсни не походишь ниже шѣнію на сіе превосходное мѣшо. Не служишь ли сіе новымъ доказательствомъ, чпо сіи мысли и выраженія сушь дошедшіе до насъ опъ древнихъ сочиненій оспашки? Если вы въ Сказкахъ и Пѣсняхъ нашихъ, оспа-

вивъ порабопившую слухъ нашъ мѣру стиховъ и привычку къ нынѣшнему нашему нарѣчію — не смотря на цѣлое, спанепе вникашь въ часши, шо увидише, что изъ нихъ не пакъ мало хорошихъ, какъ вы думаете.“

Предоставляя челоувку, имѣющему болѣе средствъ и знаній, необходимыхъ къ изданію крипическаго собранія сихъ оспашковъ спаринной нашей Словесности, я намѣренъ предложить здѣсь нѣкошорыя ошрывки Пѣсенъ и богатырскихъ повѣстей, дабы людямъ, неимѣющимъ времени и охоты рыться въ полесныхъ и скучныхъ собраніяхъ Руской спарины, предспавивъ въ нѣсколькихъ спраницахъ досташочный образецъ Руской народной Поэзіи. — Желая образчикъ сей сдѣлать занимательнѣе, я предлагаю оный въ нижеслѣдующей повѣсти.

Василій Новгородскій. *)

Повѣсть въ духѣ древнихъ Рускихъ стихотвореній.

Какъ изъ славнаго Новгорода ,
 Изъ за быспыря рѣки Мушныя (1)
 Чпо бѣжишь, шумишь въ Нево (2) озеро,
 Чрезъ широкіе луга зелены,
 За собой ведешь брега красные —
 Не бѣлой кречень вонъ выпархиваль,
 Не ясенъ соколъ вонъ вылешываль,
 Выѣзжалъ удача-молодецъ,
 Сынъ Боярина Новгородскаго,
 Со своимъ слугою вѣрнымъ;
 А и ѣдетъ онъ во Кіевъ градъ,
 Послужишь хочешь вѣрой правдою,
 Свѣну-солнышку Владиміру.

Онъ проѣхаль грязи черны, разсыпны пѣски,
 И вѣзжаешь младый вишязь во дремучій лѣсъ.
 Было времячко осенне о полуночи,

*) Въ повѣспи сей спарался я удержашь не только духъ богатырскихъ Рускихъ Сказокъ, но самыя выраженія, оборошы и гармонию оныхъ; въ послѣдней однако же приноравливался болѣе къ Пѣснямъ; бралъ изъ пѣхъ и другихъ многіе стихи, которые и опличены „. Я даже употреблялъ приличныя имъ (и можешь бышь не совсѣмъ счастливыя) вольности, желая предсказать чашелямъ сколь можно вѣрный образчикъ спаринной Руской Поезіи.

(1) Древнее названіе рѣки Волхова.

(2) Древнее названіе Ладожскаго озера.

Пошемиѣли звѣзды яркія небесныя,
 Свѣшель мѣсяць изъ за облакъ чухъ прогляды-
 валь,
 Сквозь густыя сосны черныя гробовыя.
 Слышишь вишязь недалекъ заунывной спонь,
 Онъ воропишь въ шу споронку своего коня,
 И онъ видишь; Печенѣжскіе при вишязя,
 Быспро скачущъ со дѣвицей черезъ шемный лѣсъ.
 Расплелася у дѣвицы коса русая,
 Опустились у дѣвицы руки бѣлыя;
 Буйны вѣшры раздувають косу русую,
 Сосны часныя кровавятъ руки бѣлыя.
 Спой! воскрикнулъ храбрый вишязь зычнымъ
 голосомъ.

Спой! и мигомъ Печенѣга грянулъ на землю,
 Копіемъ своимъ булашнымъ, оспрой саблею
 Снялъ съ другаго, храбрый вишязь, буйну голову;
 Третій — видя неминучую бѣду свою —
 Бросивъ дѣвицу, пустился какъ стрѣла назадъ.

Подѣзжаешь Новгородецъ къ красной дѣвицѣ,
 Онъ спираешь со бѣлыхъ рукъ алу, чиспу кровь,
 Заплешаешь въ длину косу русы волосы,
 Ушѣшаешь онъ словами робку дѣвицу,
 Творишь шакъ — самъ любуясь красошой ея:—

Ты скажи мнѣ, красна дѣвица душа,

А и кшо шебя дѣвицу породиль,

А гдѣ башюшка и машюшка живущъ,

Какъ наѣздникъ Печенѣжской полониль?

Зардѣвшися какъ маковъ цвѣщъ, промолвишь дѣ-
 вица:

Мой башюшка Бояриномъ Владиміра Князя,
 И шеремъ нашъ по близоспи оцъ сподльнаго града;
 Въ окошечко косящешо широкой Дибирь видѣнь,

За нимъ блестятъ и Кіевски кресты золотые.
 Я вечеромъ въ зеленомъ саду цвѣшы рвала;
 Тамъ спрашныя наѣзники меня подхвапили,
 И я уже опомнилась въ бору семь дремучемъ.

„Не вихри, не вѣпры въ поляхъ подымающся,
 „Не буйныя крушишь ныль черную,
 А ѣдешь, а скачешь злодѣй Печенѣжанинъ,
 Со пьюмоу несмѣшной своихъ злыхъ поварищей
 И завидишь храброй вишязь рашь поганую:
 Оставляешь робку дѣву елугѣ вѣрному,

„И онъ крикнешь богашырскимъ своимъ голо-
 сомъ,
 „Засвисцишь онъ богашырскимъ своимъ посви-
 спомъ.

„Онъ того сырой боръ преклоняешь,
 „Съ шумомъ падающъ зелены листья на землю,
 „И онъ бьешь коня по крупымъ бедрамъ.
 „Богашырской конь осержаешь,
 „Съ подъ копышь мечешь по сѣнной копнѣ,
 „Со рша пламя, съ ноздрей дымъ сподномъ.
 „Богашыръ гонишь рашь поганую,
 „Гдѣ мечемъ хвапишь шамо улица,
 „Гдѣ копьемъ хвапишь переулочекъ,
 „А конемъ вернешь шамо площадь вдругъ.

Такъ управяся съ Печенѣгами доброй моло-
 дець,
 Самъ ошыскивашь спалъ дороженьки къ свѣшлу
 шерему.
 И вошь видишься по песку бѣжишь шумной бы-
 спрой Днѣпръ
 На пригорочкѣ шамъ красуешья бѣль боярской
 дворъ.

„И спойшь шопъ дворъ на цѣлой вершѣ,
 „Около двора все желѣзный пынь,
 „А на пынинкѣ все по маковкѣ.
 Опшворилися воропушки,
 Ёдешъ випязь съ красной дѣвицей.
 Завидишь ихъ родна мапушка,
 Она выбѣжишь во сѣнечки,
 Во шѣ сѣнечки рѣшешчашы;
 Обнимаешъ чадо кровное,
 Земно кланяся випязю.

И выходишь шушь родной бапюшка,
 Онъ берешъ гостя чесно за руку,
 Ведешъ въ шеремы злаповерхіе.

Хорошо въ шеремахъ изукрашено:

„На небѣ солнце — въ шеремѣ солнце,
 „На небѣ мѣсяць — въ шеремѣ мѣсяць,
 „На небѣ звѣзды — въ шеремѣ звѣзды,
 „И вся красота поднебесная.

Во шѣхъ шеремахъ злаповерхіихъ

Подымаешся пирушечка:

Спановяшъ спола дубовые,
 Разшилають браны скаперши,
 Спановяшъ на нихъ: яшвы сахарны,
 Зелено вино и сыченой медь.

Тушь Бояре собираюшся,

Пьюшь, ёдяшъ и прохлаждаюшся.

На восходѣ солнца красна по заупрени
 Снаряжался доброй випязь въ пушь дороженьку
 И пошелъ онъ опросишьяся со Боярами,
 Поклонишьяся за хлѣбъ за соль шѣмъ хозяевамъ.
 Выносили серебро золопо хозяева,

„Дороги камня самоцвѣшныя,

„Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,

„Другіе сорокъ бурнастыхъ лисиць,
Подносили ихъ госпію милому.

Не принялъ шого подарка Новгороджанинъ;
Какъ промолвишь спарь Бояринь, призадумав-
шись :

Чѣмъ даришь мнѣ гостя милаго, чѣмъ кланяешься?
Чѣмъ мнѣ свѣишь шебя сударика пожаловашь?...
Тупь случилась дочь родимая боярская;
Доброй молодець на дѣвицу поглядываль,
Закипѣло, защемило решивое въ немъ;
Какъ промолвишь поклоняясь доброй молодець :
Не дари мѣня, Бояринь, золошой казной,
Подари меня шы дочерью родимую!...

Зажигаюшь длинны свѣчи воску ярова,
Спасу образу усердно они моляшся,
Обручаюшь красну дѣвицу за вишязя.
Тупь прощался доброй молодець съ Воярами
И съ душой, своей дѣвицей, обрученницей.
Заказаль ей ходишь вечеромъ въ зеленый садъ,
А самъ даль онъ крѣпко слово богашырское,
Черезъ ши дни возвратишься къ красной дѣвицѣ.

„Во славномъ городѣ во Кіевѣ,
„У ласкова Князя у Владиміра,
„А и было пиrowанье почешной пирь,
„А и было сполованье почешной споль,
„Много на пиру было Князей, Боярь,
„И Рускихъ могучихъ богашырей.
„Владимірь Князь распощишлся,
„По свѣшлой гриднѣ похаживаешъ,
„Кудри черныя расчесываешъ,
„Гусли звончаны послушиваешъ,

„На гусляхъ игралъ перехожанинъ.
 „Онъ сыгралъ игрышъ Царяграда,
 „Навель шанцы Ерусалимскіе,
 „А въ конецъ игралъ и Еврейскій спихъ.
 „Тушъ Княгиня молодехенька,
 „Поджавъ руки какъ Гречаночка,
 Сидишь съ жены, вдовы чесными,
 Промежду себя разговариваюшь,
 Изъ окошечка поглядываюшь.

„Широки ворошы заскриѣли,
 „Взъвзжаешь на дворъ вишызъ смѣлый,
 „Доспѣхи на немъ позлащенные,
 „Коніе въ рукѣ булашное,
 „На бедрѣ висишь сабля оспрая;
 „А и конь подъ нимъ какъ бы люпый звѣрь,
 „У коня грива до сырой земли,
 „Онъ самъ на конѣ какъ ясенъ соколъ.
 „Онъ на дворъ ѣдешь не спрашаючи,
 „Не спрашаючи, не обсылаючи,
 „Онъ вспаешь съ своо коня добраго,
 „Опдаешь его слугѣ вѣрному;
 „Привязалъ слуга коня вѣщаго,
 „Среди двора у дубова столпа,
 „Ко шому ли золоту кольцу,
 „Своего коня къ кольцу сребрену.
 И взошелъ вишызъ во бесѣдушку,
 Лику Спасову онъ молился,
 Здравьемъ, счасьемъ всѣхъ привѣшшвуешь.
 Тогда ласковой Владимірь Князь
 Приказалъ поданъ добру молодцу:
 „Золоту чару вина зелена,
 „И шурей рогъ меду сладкаго.

Юный вишязь поклоняется,
 Начинаешь пить, приговаривая:
 „Кшо другъ великому Новугороду,
 „И всей земли Славенскія,
 „Выпивай шюнь брашину досуха!...
 Начиналась шюнь пирушечка,
 Полились вина заморскія,
 Пили здравіе, многолѣпіе,
 Князя солнышка со Княгинею.
 Какъ возговорилъ Владиміръ Князь:
 „Ты гой еси доброй молодець!
 „Ты скажи, какъ зовушь молодца,
 „А по имени можно мѣсто дашь,
 „Поизочештву пожаловати.“
 Тушъ промолвилъ доброй молодець:
 На роду названъ я Василиемъ,
 Сынъ Боярина Новгородскаго,
 И прѣхаль я изъ Новаграда,
 Послужилъ себѣ вѣрой, правдою.
 Полубилось шю Владиміру.
 Онъ на красное выходилъ крыльцо,
 Вызывалъ гостей позабавишься
 Начашъ игры богашырскія,
 Показать силы и проворчештва.
 Собиралися юны вишязи на широкой дворъ,
 Начиналися шамъ забавушки богашырскія:
 Впереди-шо всѣхъ спаръ Добрынюшка выхаживаль,
 Подымаешь шюнь сильныхъ вишязей, какъ бы перушко
 И бросаетъ ихъ онъ одной рукой черезъ голову.
 Какъ схватили пошомъ шодсшу палицу Илья Муромецъ,

И ша палица налипа свинцу Чебурацкаго,
 Ужь какъ кинень онъ вверхъ шу палицу - по
 вязовую,
 И подспавишь ли самъ кольнушко богашырское,
 Угодила ша полспа палица о кольнушко,
 Разленилася, раскочилася въ мѣлки щепочки.
 Выходилъ пошомъ младъ Чурилушка посередь
 двора,
 Выпускали пушь коня дикаго неѣзжалаго,
 Онъ схвашилъ коня за крушу его гриву бѣлую,
 И сидишь уже какъ ясенъ соколь на спинѣ его.
 И зарженъ ли подь Чурилою люпой дикой конь,
 Онъ раскиненъ гриву частую, свой длинной
 хвостъ,
 Подымаенся опидѣляется опъ сырой земли..
 Усмирить коня младъ набздничекъ кулакомъ сво-
 имъ,
 И подѣхавши ко Владимиру низко кланялся.
 Пришла очередь пушь Василию Новгородскому,
 Показашъ свое молодечесиво, силу крѣпкую.
 Подзываетъ онъ слугу вѣрнаго и удалаго,
 Онъ велишь ему надъ главой держашъ золото
 кольцо,
 Самъ выходишь онъ понакрай двора Княженец-
 каго.
 „Вынимаешъ изъ налушника шугой лукъ,
 „Изъ колчана вынимаешъ калену спрѣлу.
 „И онъ вышянулъ лукъ съ каленой спрѣлой,
 „И вспѣла шешива у пуга лука,
 „Взвыла да пошла калена спрѣла.
 „Пролешѣла спрѣла въ золото кольцо,
 „Угодила спрѣла въ корокольчашой дубъ,
 „Изломала въ черенья ножевыя.

Тупь пирушечка начиналась вновь ,
 Возвращалися въ гридни свѣшлыя,
 Пили здравіе мощныхъ вишязей.
 Въ тѣ поры Владиміръ ласковый
 Снималъ персень со правой руки ,
 И дарилъ его Василию.
 А Княгиня свѣшло солнышко
 Выносила шириночку ,
 Не просую, злапошвейную;
 Вопросала добра молодца ,
 О родимой его машушкѣ ,
 О сесприцѣ о лебедушкѣ.
 А еще ли, говоришь она :
 Женашъ иль нѣшъ доброй молодецъ?
 Есть во Кіевѣ красавицы ,
 Когда холосшь, буду свахою,
 Посаженою швоей машерью.
 Какъ возговоришь доброй молодецъ :
 Не женашъ шо и не холосшь я ,
 Обручился съ красной дѣвицей.
 А ша дѣвица сидишь шеперь
 Въ родномъ шерему ошеческомъ.
 „Буйны вѣшры не дохнушъ на нее,
 „Красно солнце не печешъ лица.
 „И ша дѣвица спшаномъ спшшна,
 „Сшаномъ спшшна и умомъ свершшна.
 „Бѣло лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
 „И ягодицы *) какъ бы маковъ цвѣшъ,
 „Черны брови какъ бы соболи,
 „Ясны очи какъ у сокола.

*) Т. е. щеки.

Во той было бесѣдуникѣ у ласкова Князя,
 Сидѣла шамъ боярская жена Параскевья,
 Товоль еще Боярина любимаго Княземъ,
 Чшо посланъ былъ во Царьградъ, Посломъ Кня-

женецкимъ.
 Вскипѣла въ ней младая кровь, на молодца глядя,
 Тихохонько оспавила бесѣду веселу;
 Берешъ она горячіе слѣды *) молодецки,
 Спѣшитъ на свой боярскій дворъ, пришедши
 колдуешъ:

Берешъ она беремячко сухихъ дровъ сосновыхъ,
 Кладешъ въ печку муравлену, со шѣми слѣдами,
 Огнемъ она палящанымъ дрова зажигаешъ,
 Сама, глядя на полымя, Прасковья промовитъ:
 Горяшъ дрова сосновые въ печуркѣ съ слѣдами,
 Гори, гори Василия шакъ сердце къ Прасковьи.
 „Взяло молодца по сердцу богашырскому,
 „Пуще ножика по оспраго булашнаго,
 „Ужъ какъ съ вечера не вѣсися добру молодцу,
 Со полуночи не дремлешся Василию,
 Какъ бы змѣйка скоропѣйка, змѣя лющая,
 Обвилася вокругъ шѣла его бѣлаго.
 И пойдеши ли онъ размыканъ грусишь шоску
 свою,

Внизъ быспра Днѣпра по бережку высокому.
 Видишь молодецъ надъ берегомъ зеленый садъ,
 А во садъ была калищочка незаперша,
 Ошворяешъ онъ калишку неспрошаючи,
 И гуляешъ, самъ невѣдая во чьемъ саду.
 Тушь встрѣчаешъ онъ хозяйшкку Прасковию;

*) Т. е. вырѣзывала изъ земли шѣ мѣспа, на
 кошорыхъ онъ спожалъ.

Она молодца кручиннаго привѣстствуетъ,
Рвчи ласковы съ Васильемъ заговариваетъ,
Во свѣтелочку садову проваживаешь.

„А покрыша на свѣтелочка сѣдымъ бобромъ,
„Пошолокъ въ ней черныхъ соболей,
„А и машицы вальженныя,
„Поль середа *) чиста серебра,
„По булашу пробои крюки злачены.
„Среди кровашь слоновая,
„На кровашь перинушка,
„На перинѣ изголовьецо.

Садилася шупъ Прасковія со молодцемъ,
Распылалась закипѣла ихъ младая кровь,
Позабылъ тогда Василій обрученницу!....

А ша двѣца обрученница,
Спишь во шерему во опеческомъ,
И приснился ей диеный, спрашный сонъ;
Во слезахъ она просыпалася,
Пробудившись, слово молвила:
Ахъ, вы нянюшки! ахъ, вы мамушки!
Мои вѣрныя сѣсны двѣушки!
Знашь не видѣшь мнѣ друга милаго,
Не бывашь уже мнѣ женой его!..
Мнѣ предсавилось, мнѣ привидѣлось,
„У меня будпо у младешенькой,
„Расплелася коса русая,
„Выпадала ленша алая.
„На правой рукѣ на мизинчикѣ,
„Распаялся мой золошь перснень,
„Выкапался вонъ дорогой камень,
„Подареньице друга милаго!

*) Средина полу.

Еще снилося мнѣ, мамушки!

„Чшо на кусникѣ на ракишовѣ
 „Какъ сидишь будно младъ сизою орель,
 „Во когняхъ держишь черна ворона,
 „И онъ почишь кровь на сыру землю.“

Не къ добру шакой сонъ привидѣлся,
 Не увижу я друга милаго!..

Тогда нянюшки и мамушки,
 Упѣшашъ сшали красну дѣвицу;
 Они лили ей свѣшло олово,
 Бобы щепные раскладывали.
 А и красныя сѣсны дѣвушки,
 Они вьюшь вѣнокъ незабудочекъ,
 Бѣгушь съ дѣвицей на рѣченьку,
 И бросаюшь его на воду,

Сами глядючи приговариваюшь:
 „Ужь какъ шонешъ какъ шонешъ нашъ цвѣшной
 вѣнокъ
 „Ужь шакъ шужишь, шакъ шужишь по тебѣ
 дружокъ!“

Какъ изъ славнаго Царяграда,
 Возвращался посоль Княжескій,
 Со своей дружиной храброю,
 На своемъ кораблѣ на соколѣ.
 „У шого ли у сокола корабля
 „Вмѣсно очей, было всшавлено
 „По дорогу камню по яхонту.
 „Вмѣсно бровей, прибывано
 „По черному соболу пушисшому.
 „Вмѣсно уса, было всшавлено
 „Два оспрые ножика булашныя.
 „Вмѣсно ушей, было вопкнушо

- „Два оспрыя копя злачены,
 „И два горноспая повѣшены;
 „Вмѣсто гривы прибivano,
 „Двѣ лисицы бурнаспыя.
 „Вмѣсто хвоста повѣшено
 „Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
 „Бока взведены по звѣриному,
 „А корма была по шуриному.
 Сшановился корабль на Днѣпрѣ рѣкѣ,
 И бросаль сходни на крупѣ бережокѣ.
 Съ корабля сходиль удалъ молодець,
 И садился онъ на добра коня,
 Поспѣшалъ къ Князю Володиміру.
 А на молодцѣ уборъ шаковъ:
 „Чшо куянь панцырь числа серебра,
 „А кольчуга на немъ красна золоша.
 „И шугой еще лукъ разрывчашой.
 „Полосы лука серебряны,
 „А рога лука красна золоша;
 „А шешивочка шелковая,
 „Шелку бѣлаго Шамаханскаго.
 „И колчань еще каленыхъ спрѣль,
 „Во колчанѣ шомъ было приспа спрѣль;
 „А еще было въ немъ при спрѣлочкы,
 „И шѣмъ спрѣлочкамъ цѣны не было;
 „Колошы онѣ изъ шросшѣ дерева,
 „Спроганы онѣ въ Новѣгородѣ,
 „Клеены клеємъ осепра рыбы,
 „Перены перьемъ сиза орла,
 „А шого орла пшицы Камскія.
 „Во ухахъ спрѣлочекъ по широну,
 „Чшо по камышку самоцвѣшному,
 „Подлѣ ушекъ перевivano,

„Аравійскимъ чистымъ золопомъ, шло вадъ,
Пробъжаешъ удалъ випязъ мимо саду своего,
И онъ видишь въ саду калинка не притворена
споишь.

„А и кто это невѣжа, говоришь онъ, въ саду
ходилъ,

„А и кто это невѣжа да калиночку бросалъ?
Ужъ какъ входишь младъ Бояринъ во кудрявой
свой саду.

И онъ слышишь во свѣшелочкѣ погудочка идешь,
И онъ видишь молода жена цѣлуенся съ другимъ.
Ужъ какъ вскочишь во свѣшелочку хозяйинъ уда-

Хочеть съ плечъ онъ шому госиу буйну голову
сиесни.

Нечѣмъ было защищаться младу випязю шогда,
И онъ выскачишь въ окошечко косяченое въ
саду;

Какъ подхванишь шущъ хозяйинъ свой разрыв-
чашъ шугой лукъ,

И онъ пусшишь въ слѣдъ за госишемъ калену
бысшу спрѣлу.

Угодила спрѣла оспрая межъ реберь молодца,
Вслѣдъ другая плечо мощное пробилла на про-
лешъ!

Говориль шогда Бояринъ молодой своей женѣ:

„Ахъ и гой шы, моя молода жена!

„У тебя въ перему нѣшу образа,

„Нѣкому у тебя помолнишия,

„Не за что сиѣнамъ поклонишия.

„И онъ взялъ оспру саблю будашнюю,

„И онъ началъ учишь молоду жену.

Онъ опсѣкъ по бѣлы груди голову,

Отсѣкаючи самъ приговариваль:
 Мнѣ ненадобна эпа головушка;
 Она думала думу невѣрную,
 Говориль языкъ кляшвы ложныя,
 Цѣловали уста другихъ молодцовъ.

А несчастный, беспаланный Новгорожа-
 нинь,
 Добѣгаешъ до быспраго до Дѣпра рѣки,
 Обмываетъ язвы люпыя, глубокия,
 Упадаетъ, бѣль какъ плащъ, на берегу его.
 Пробудилось солнце красное осеннее,
 Вышедъ изъ лѣсу, купаешся въ струяхъ Дѣпра,
 И лучи его упали на Василія,
 Ахъ, помедли! говоришь онъ солнцу красному
 Вы посшойше, волны быспрыя Дѣпровскія,
 Насмотрѣвшись дайше молодцу въ послѣдніе!
 Вы, осени вѣпры буйны, перелешные,
 Не шумише надъ несчастною головушкой,
 Пошанишесь, вѣпры буйные, ко шерему,
 Чпо ко шерему дѣвицы обрученной мнѣ,
 Прошумише, просвиспише вѣпры буйные:

„Ты душа, душа, красна дѣвица!
 „Не сиди, душа! поздно вечеромъ,
 „Ты не жги свѣчи воску яраго,
 „Ты не жди къ себѣ друга милаго;
 „Ужъ женился онъ на другой жедѣ,
 „Обвѣнчался онъ на сырой землѣ;
 „Была свахою сабля оспрая,
 „Положила спать калена спрѣла!

Не шумише, вѣпры, буйны перелешные,
 Ты помедли, солнце красное, осеннее,
 Вы посшойше, волны быспрыя Дѣпровскія,
 Наглядѣвшись дайше молодцу въ послѣдній разъ!

Мѣсяць блѣдный освѣшилъ пески Днѣпров-

Внизъ по берегу крупому вдепъ старой мужъ,
 То Добрынюшка Никишичь, спольникъ Кіевскій,
 Возвращается съ охоты со дружиною владомъ,
 И онъ видилъ млада вишязя убишаго,
 Чшо лежишь ли, распрепавши кудри черныя,
 Размешавши по песочку руки бѣлыя,
 Протянувши свои ноги, ноги скорыя,
 Закапились его очи, очи ясныя!
 Узнаешь онъ безпаланнаго Василія,
 И везепъ его во спольной славной Кіевѣ градъ.
 Предаешь памъ шѣло юноши сырой земли!
 Самъ Владимірь, красно солнышко, за шѣломъ
 И при раза земли бросилъ онъ на черной гробъ.

Скоро перепала вѣспочка къ дѣвицѣ:
 Чшо не спало друга, вишязя младаго,
 Свѣша не взвидѣла, красная дѣвица,
 Ноги подкосились, опушились руки,
 Вопишь: разспунися! машь земля сырал,
 Чорная опкройся, доска гробовая,
 Вспань пы, пробудися, другъ, моя надежа!...
 Ахъ, проснишь со мною, вѣчно разлучаясь!
 Завпра я надѣну черно покрывало,
 Завпра — поклянуса, надъ швоей могилой,
 Вѣрною оспашься другу и по смерти!
 Завпра — обрекуся Богу я невѣсшой!

„Чшо не ласпочка, не косашочка,
 „Вкругъ шепла гнѣзда увивалася,
 „Увивалася родна машушка,

„Говоря душѣ красной дѣвицѣ:
 Ты не плачь, не плачь, дочь родимая!
 На святой Руси много вишязей,
 Ты найдешь еще друга по сердцу.
 „Ахъ! не грѣшь солнцу жарче лѣшняго,
 „Не любишь сердцу больше прежняго!
 „Полюбишь друга я не думала,
 „Умерешь по немъ не задумаюсь!... „
 Такъ промолвила красавица,
 И слезами заливаясь
 Пошла образу помолишися.
 И недолго она плакала!..
 Какъ бы яркая мала звѣздочка,
 Предъ восходомъ солнца краснаго,
 Поблѣднѣла и сокрылася,
 Такъ угасла красна дѣвица!..
 Знашь шаланнѣ ея шакой ужъ былъ,
 На роду ей шакъ написано.
 „Высоко звѣзда восходила,
 „Выше свѣшла, ясна, мѣсяца,
 „И зашмилася ша звѣздочка
 „Тучей черною — ненаспною!..

Князь Цертелевъ.

